

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Фишман Л.Г. Эпоха потрясений как шанс на объединяющую российскую идентичность // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 39-52. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_1_39

УДК 32.019.5:327

DOI 10.17506/26867206_2024_24_1_39

Эпоха потрясений как шанс на объединяющую российскую идентичность

Леонид Гершевич Фишман

Институт философии и права Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: lfishman@yandex.ru

*Поступила в редакцию 10.01.2024, поступила после рецензирования 28.02.2024,
принята к публикации 29.02.2024*

Статья посвящена роли катастроф, травм и жертв в становлении национальной идентичности. Их значимость в европейской и отечественной культуре невозможно преувеличить: рождение нации, как и рождение индивида, – это почти всегда травма. Другими словами, катастрофа, сопровождающаяся принесением жертв, мученичеством, страданиями, играет важнейшую роль в формировании новых общностей или трансформации уже существующих. Однако роль жертвы как претерпевающего, обиженного, угнетенного субъекта всегда была уравновешена ролью субъекта борющегося, сбрасывающего оковы, героического, приносящего жертву во имя будущего торжества. По мнению автора статьи, в эпоху европейского постнационализма роль

© Фишман Л.Г., 2024

жертв по-прежнему исключительна, хотя акцент зачастую делается не на героический, а претерпевающий аспект жертвенности. Ситуация катастрофы, дающая шанс на пересмотр и обновление национальной идентичности (или ее аналога), нередко связана с войной. Национальная общность получает возможность скорректировать имеющуюся идентичность на более актуальную, отвечающую современному состоянию дел. В этом обновлении ключевое значение имеет придание ясного смысла приносимым жертвам, страданиям и подвигам, поскольку сами по себе они не влекут автоматически ни поддержки существующей идентичности, ни формирования новой. В статье на примере Германии и России как стран, переживших или переживающих повторную катастрофу, показано, какие проблемы и двусмысленные ситуации возникают на этом пути. В России крушение СССР не вполне осознано как катастрофа, требующая коррекции идентичности. Российская политика памяти до сих пор стремится замаскировать разломы в отечественной истории XX–XXI вв., утверждая «преемственность» между ее периодами. Однако, как полагает автор статьи, текущая историческая ситуация дает нашей стране повторный шанс на формирование более «правильной», то есть исходящей из реалий сегодняшнего дня, национальной идентичности.

Ключевые слова: национальная идентичность, катастрофа, жертва, Россия, Германия

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00427, <https://rscf.ru/project/23-18-00427/>

Era of Upheaval as a Chance for Unifying Russian Identity

Leonid G. Fishman

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Yekaterinburg, Russia

E-mail: lfishman@yandex.ru

Received 10.01.2024, revised 28.02.2024, accepted 29.02.2024

Abstract. The article focuses on the role of catastrophes, trauma and victims in the formation of national identity. Their importance in European and Russian culture cannot be exaggerated: the birth of a nation, like the birth of an individual, is almost always a trauma. In other words, a catastrophe accompanied by sacrifice, martyrdom, and suffering plays a huge role in the formation of new communities or the transformation of existing ones. However, the role of a victim as a subject suffering, offended, and oppressed has always been balanced by the role of a subject struggling, casting off fetters, and making heroic sacrifices for the sake of future triumph. According to the author, in the era of European post-nationalism, the role of victims is still exceptional, although the emphasis is often placed on the undergoing rather than the heroic aspect of sacrifice. The situation of catastrophe, which offers a chance to revise and renew national identity (or its counterpart), is often associated with war. The national community gains the opportunity to adjust the existing identity to a more contemporary one. Giving clear meaning to the sacrifices, sufferings, and exploits is a key to the renewal of identity, since they do not automatically entail either the support of an existing identity or the formation of a new one. The cases of Germany and Russia as countries that have experienced or are experiencing recurring

catastrophes show what problems and ambiguities arise along the way. In Russia, the collapse of the USSR has not yet been fully understood as a catastrophe requiring an identity adjustment. Russian memory politics has so far sought to mask the fractures in domestic history of the 20th and 21st centuries by asserting “continuity” between its periods. The author believes that the current historical situation offers our country a second chance to form a more “appropriate” national identity based on the realities of today.

Keywords: national identity, catastrophe, victim, Russia, Germany

Acknowledgements: The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation grant No. 23-18-00427, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00427/>

For citation: Fishman L.G. Era of Upheaval as a Chance for Unifying Russian Identity, *Antinomies*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 39-52. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_1_39

Катастрофы, жертвы и национальная идентичность

Начиная с возрастных и религиозных инициаций в глубокой древности, основания пророческих религий, городов-государств, идеологий и заканчивая возникновением наций и национальных государств, катастрофы, сопровождающиеся принесением жертв, мученичеством, страданиями, играют огромную роль в формировании новых общностей или трансформации уже существующих. Сообщества, отстаивающие свою идентичность (или впервые приобретающие ее), акцентируют внимание на испытанных ими страданиях и принесенных жертвах. Роль жертв и жертвоприношений в европейской и отечественной культуре невозможно преувеличить. Даже если мы не рассуждаем цинично вслед за Т. Иглтоном, что большинство цивилизованных режимов являются плодом резни, лишения собственности, оккупации, узурпации или истребления и основателям наций нет смысла рассказывать о первородном грехе (Eagleton 2018), то все равно фундамент цивилизации для нас «держится благодаря крови – этому самому вязущему, самому цементирующему веществу – закладной жертвы Христа»¹.

Не в последнюю очередь это касается ситуаций, связанных с обретением национальной идентичности в Новейшее время. Первым признаком, который приходит в голову Э. Ренану, когда он пытается в своей знаменитой речи определить принадлежность к нации, является пролитие за нее крови. Мало общей славы, нужны общие сожаления и страдания, общие жертвы, ибо «общие страдания соединяют больше, чем общие радости. В деле национальных воспоминаний траур имеет большее значение, чем триумф: траур накладывает обязанности, траур вызывает общие усилия. ...Нация – это великая солидарность, устанавливаемая чувством жертв, которые уже сделаны и которые расположены сделать в будущем»². И даже когда Ренан

¹ Савчук В.В. Жертва // Anthropology. Web-кафедра философской антропологии. 07.01.2006. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/savchuk-vv/zhertva> (дата обращения: 09.01.2024).

² Ренан Э. Что такое нация? Доклад, прочитанный в Сорбонне 11 марта 1882 г. // Lib.ru: «Классика». 26.10.2014. URL: http://az.lib.ru/r/renan_z_e/text_1882_что_такое_natzia.shtml (дата обращения: 09.01.2024).

говорит, что сущность нации заключается в том, чтобы ее члены «многое позабыли», это значит, что они должны забыть те жертвы, которые для со-зидания нации были либо излишни, либо вредны: «...всякий гражданин Франции должен забыть Варфоломеевскую ночь, убийства на Юге в XIII веке»³. Но забыть эти жертвы следует так, чтобы одновременно помнить их как предостерегающий пример «неправильных» жертв, которые неизбежны *в отсутствие нации*.

Как бы то ни было, рождение нации, как и рождение индивида, – почти всегда травма. Иногда эта травма просто катастрофическая, как Холокост. Показательно, что право на обретение национальной государственности за евреями было признано именно после такой катастрофы. Но то же самое, пусть и в менее выраженной степени, относится к любой нации, обретшей идентичность в ходе гражданской, освободительной или иной войны. Об этом свидетельствуют хотя бы события отечественной истории, начиная со Смутного времени, продолжая трагическим двадцатым веком и заканчивая сегодняшним днем.

Временами нации оказываются в ситуации восстановления и даже исправления собственной идентичности. В восстановлении прежней идентичности, которая была утрачена в связи с причинами внешнего или внутреннего характера (например, завоевание, революция или преступление, индивидуальное или коллективное, ставшее причиной грехопадения), большую роль играет мученичество как искупительная жертва. В данном случае восстановление утраченной, правильной и желанной идентичности означает разрыв с (нередко навязанной извне) идентичностью неправильной и даже греховной. Надо заметить, что в ряде случаев обретение новой идентичности переплетается на уровне дискурса с восстановлением уже изрядно мифологизированной старой. Так происходит, к примеру, во время великих буржуазных революций, когда рождение нации осмысливается как возвращение ею утраченных прав ввиду нарушения королями общественного договора. С тем же самым на протяжении XX–XXI вв. мы имеем дело, когда речь заходит о распаде империй и формировании национальных государств. В случае политико-территориальных и культурных общностей, чья история насчитывает не одно столетие, можно утверждать, что, до известной степени, один народ сменяется другим, причем без явственной смены этнического состава. В наибольшей степени это применимо к ситуации крутых переломов, которые, возможно, не меняют принципиально особенностей национального или социального характера в понимании В. Шубарта (Шубарт 2000), но способствуют выдвиганию вперед отдельных его черт. В этой связи можно вспомнить о различном облике, например, русской, немецкой, японской, китайской и прочих наций, отразившемся на протяжении последних трех столетий в популярных стереотипах об особенностях их национального характера. И практически во всех случаях такие перемены были связаны с катастрофами, страданиями, мученичеством, жертвами.

³ Там же.

Так или иначе, в общественном сознании, по крайней мере народов европейской цивилизации и культуры, право на обретение и смену национальной идентичности (в том числе искупительную смену) тесно связано с катастрофой, «триумфом и травмой» и даже с преступлением (Giesen 2004). Разумеется, это касается не только смены национальной идентичности: жертва служит оправданием смены всякой идентичности, равно как и другие радикальные перемены в жизни. Многие общности, которые хотят добиться преимущества, в наше время подчеркнuto позиционируют себя в качестве жертвы, на основании чего утверждают свою идентичность, а также право на привилегии и ренты (Gergen 1999), поскольку если бы у людей не было выгоды от статуса жертвы, то и стремление обрести идентичность жертвы не получало бы широкого распространения (Jacoby 2015). Наиболее бросающиеся в глаза примеры – сексуальные меньшинства и расовые группы в США и европейских странах; на национально-государственном уровне – страны бывшего соцлагеря, СНГ, прежние колонии, национальные меньшинства, претендующие на обретение государственного суверенитета, и т.д.

При этом следует заметить, что в прошлом фактор катастрофического при обретении национальной идентичности не исчерпывался статусом жертвы в современном политически ангажированном понимании. Роль жертвы как претерпевающего, обиженного, угнетенного субъекта всегда была уравновешена ролью субъекта борющегося, сбрасывающего оковы, героического, приносящего жертву во имя будущего торжества. Иначе приобретенная таким образом национальная, да и любая другая, идентичность выглядела ущербной⁴. Поэтому следует различать современный дискурс виктимизации и традиционный (до сих пор актуальный) культ жертв и героев. Дискурс виктимизации – это, по сути, требование компенсации за страдания неких субъектов, чья субъектность в относительно недавнем прошлом не была вписана в модерновые нарративы нации, гражданского общества и т.д. Это дискурс от имени всегда пассивных жертв, жертв не добровольных, не за что-то и т.д. Если его следствием может быть новая идентичность, то она всегда частная, не объединяющая, подобно национальной или классовой, не подразумевает, что нечто надо забыть ради этого.

Во второй половине прошлого века, когда героическая жертвенность нередко оказывалась тесно связанной с дискредитировавшими себя ценностями, режимами, идеологиями, ее значимость была поставлена под сомнение. Вследствие этого стало не просто возможным, но едва ли не единственно легитимным представить формирование новых идентичностей исключительно как результат перенесенных несправедливостей

⁴ Так, например, ветеран движения афроамериканцев за гражданские права Ш. Стил отмечал, что герои эпохи борьбы за гражданские права позиционировали себя не как жертвы, а как воины. См.: Shelby Steele on Race and the Exhilaration and Terror of Freedom // The Federalist. 27.05.2014. URL: <http://thefederalist.com/2014/05/27/shelby-steele-on-race-and-the-exhilaration-and-terror-of-freedom/> (дата обращения: 09.01.2024).

и страданий, за которые теперь требуется компенсация, то есть как следствие получения статуса жертвы. По словам Э. Яна, «если в старые времена в чести были победы, героизм и храбрость, то в последние десятилетия роль жертвы все более считается доказательством моральной силы и превосходства. С ее помощью легче выдвигать свои морально-политические притязания против других народов, иногда объяснять наличием у представителей одного народа общего национального сознания их участие в установлении преступного режима или сотрудничество с ним» (Ян 2014: 60).

Исключительное значение получения статуса жертвы для обретения новой или переизобретения старой идентичности можно увидеть на примере послевоенной Германии, которая к маю 1945 г. второй раз за 30 лет потерпела сокрушительную катастрофу. Феномен Германии до некоторой степени уникален и заключается в следующем. До относительно недавних пор немецкому обществу навязывалось представление о нем как о получившем передаваемое из поколения в поколение несмыслаемое клеймо. В глазах других такое стигматизированное общество «представало лишенным или утратившим статус “нормальности”» (Сыров и др. 2019: 69). Однако подобная ситуация воспринималась как нетерпимая, и из нее был найден выход таким образом, чтобы исходное положение стигматизированной нации формально не подвергалось сомнению. Современное поколение немцев принимает на себя ответственность за *грехи прошлых поколений*, чтобы в настоящем не просто получить искупление, но даже некоторую долю праведности в сравнении с более греховными народами наподобие российского. В сущности, это разновидность стратегии позиционирования себя не только преступником, но и жертвой, которая остается в силе с 1945 г.

Н. Старгардт отмечает, что «к моменту образования трех государств – наследников Третьего рейха в 1949 г. во всех них чувство принесенной немцами жертвы затмевало собой любое чувство разделенной ответственности за мучения жертв Германии» (Старгардт 2021: 571). Роль жертвы служила «удобной моральной позицией, ибо она защищает от ответственности за прошлые или недавние преступления» (Ассман 2016: 159). Поскольку не получилось прямым путем и сразу избежать стигматизации, нашелся окольный путь самовиктимизации⁵. По словам Б. Гизена, дело подавалось так, будто Гитлер, харизматичный герой нацистской Германии, превратил своих последователей в жертв, которые, очнувшись ото сна, должны были признать, что его крестовый поход не оставил после себя ничего, кроме пепла и руин. Демонизация нацистского правления вывела нацию из сферы моральной ответственности и вины, а ссылка на опьянение, оболыщение и слепоту позволяла немцам даже считать немецкую нацию истинной жертвой нацизма (Giesen 2004: 123-124).

⁵ Заметим, что путь самовиктимизации не является уникально германским. Аналогичным образом японский пацифистский нарратив и поддерживающее его осмысление военного опыта вскоре после войны стали исходить из образа себя как жертвы, пренебрегая сознанием себя как палача (Orr 2001: 3).

Новое послевоенное поколение, которое не хотело быть частью нации с клеймом преступников, перешло на другую сторону и отождествило себя с жертвами, вплоть до названия своих детей еврейскими именами (Giesen 2004: 130). Так прокладывался путь от коллективной вины за коллективный грех через коллективную ответственность и жертву к коллективному искуплению и даже праведности. В конце концов, как считает Б. Гизен, такого рода виктимизация приводит к формированию специфической «суверенной субъективности», которая «в самых сокровенных мечтах» ассоциируется с «героем-победителем» (Giesen 2004: 56-57). Ритуалы коллективного покаяния ведут не просто к восстановлению разорванной национальной идентичности. От «героя-победителя» сокровенных мечтаний недалеко и до праведника, учитывая, что на нынешних поколениях немцев вины за прошлое фактически нет, а наказание все еще есть, то есть страдают они зря. Но именно такое несправедливое страдание, страдание за других, и вознаграждается святостью. Жертвам приятно не само по себе угнетение, которому они (или те, с кем они себя отождествляют) когда-то подверглись: они получают удовлетворение именно от своей «победоносной добродетели»⁶. Поэтому, как точно заметил Ф.А. Лукьянов, «в последние десять-пятнадцать лет в Германии происходит выворачивание комплекса вины – раз мы были очень виноваты, но осознали и раскаялись, теперь мы имеем моральное право учить других, что они тоже должны так сделать»⁷. *Но даже в таких случаях именно дискурс, посвященный осмыслению принесенных жертв, служит неустрашимым основанием рефлексии по поводу национальной идентичности.*

Национальная идентичность и повторная катастрофа

Возвращаясь к вопросу о катастрофах и национальной идентичности, мы можем предположить, что между ними существует и обратная связь: если происходит катастрофа и граждане государства массово гибнут, в первую очередь на войне, то в ряде случаев этому придается смысл, который может повлечь укрепление, пересмотр или изменение национальной идентичности. Гибель людей должна иметь смысл, превращающий смерть в священные и героические жертвы. Бессмысленная гибель перестает быть жертвой в сакральном смысле слова. Смерть и муки, которые ничего не утверждают и не подкрепляют, остаются голым страданием, имеющим лишь индивидуальное значение. Пример Германии показывает, что даже в самой катастрофической ситуации жертвы приобретают высокий смысл если не сразу, то спустя некоторое время. Проигранная война (как в случае Германии) или распад государства (как в случае СССР) служат триггером обесмысливания жертв.

⁶ Bartlett J. The Dangerous Allure of Victim Politics // Little Atoms. URL: <http://littleatoms.com/society/dangerous-allure-victim-politics> (дата обращения: 09.01.2024).

⁷ Не милитаризм, но уже и не пацифизм. Итоги Лектория СВОП // Россия в глобальной политике. 12.04.2023. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ne-militarizm-ne-pacifizm/> (дата обращения: 09.01.2024).

Здесь мы должны сделать необходимое отступление, чтобы избежать вопросов, вызванных сравнением СССР с Германией. Прежде всего, данное сравнение не имеет ничего общего с порочной установкой на отождествление СССР и нацистской Германии в силу якобы общей для них «тоталитарной» природы. Общее тут заключается в постигшей, по разным причинам и в разных обстоятельствах, эти государства катастрофе, сопровождавшейся жертвами сопоставимого порядка⁸. Под катастрофой в данном случае подразумевается ситуация крушения политического режима и его идеологической надстройки, а также связанной с ними самоидентификации и самооценки, устоявшихся представлений о своей роли в мировой истории. К этому добавляются еще более значимые последствия, связанные с радикальным изменением мирового порядка, которые в случае крушения Германии и ее союзников оформили на долгий период послевоенное биполярное устройство мира, а в случае крушения СССР закрепили распад этого устройства, идеологическое и цивилизационное господство Запада и глобального капитализма. В настоящее время это господство ставится под сомнение, глобальный порядок претерпевает трансформацию, последствия которой в полной мере трудно предвидеть. Данный процесс является катастрофичным и для России, поскольку вновь влечет за собой радикальную трансформацию внутренней и внешней политики, значимые изменения в идеологической области, смену глобального порядка и человеческие жертвы. Все это создает предпосылки для существенной трансформации российской национальной идентичности.

Принципиально здесь то, что сами по себе жертвы не влекут за собой ни поддержки существующей идентичности, ни формирования новой. Если в какой-то исторический момент разворачивается катастрофа, то сопровождающая ее массовая гибель людей может стать причиной для очередного пересмотра моральных, идеологических, культурных обоснований того, ради чего это происходит. Но никакой гарантии нет. Иными словами, даже если жертвы приносятся самым очевидным образом, они далеко не всегда становятся жертвами за Родину, для этого их надо соответствующим образом осмысливать.

Сегодня Россия переживает катастрофический опыт, который *может быть трансформирован* в формирование новой национальной или функционально схожей с ней идентичности. Нашей стране *понадобилась повторная катастрофа* для получения шанса обретения «правильной», то есть соответствующей реалиям сегодняшнего дня, а не питающейся преимущественно мифами прошлого, национальной идентичности. Пер-

⁸ Стоит напомнить, что признание распада СССР именно катастрофой, повлекшей за собой многочисленные жертвы в результате военных конфликтов, крушения социальной сферы, «криминальной революции», спада рождаемости, роста смертности и иных негативных последствий, является официальной позицией. См.: Путин объяснил, почему считает распад СССР крупнейшей катастрофой XX века // РИА Новости. 13.06.2017. URL: <https://ria.ru/20170613/1496353896.html?ysclid=lrvt3y91uk579179971> (дата обращения: 27.02.2024).

вая катастрофа – распад СССР – не была использована должным образом. Не в последнюю очередь это произошло потому, что, когда Россия оказалась перед необходимостью конструирования новой идентичности, исходящей из реального положения нашей страны в мире, было решено слегка модернизировать старые советские учебники, пойдя путем «наименьшего сопротивления» (Сыров и др. 2019: 166). Одним из следствий стало то, что распространенные у нас исторические дискурсы, вопреки первому впечатлению, скорее, умаляют жертвы. Это проявляется, например, в скептицизме относительно количества жертв Большого террора. Принесенные жертвы рассматриваются как средство поддержания текущей идентичности.

Несмотря на то что распад СССР на самом высоком уровне был признан величайшей катастрофой XX столетия, в действительности в России он не был в полной мере осознан в качестве таковой, что могло бы положить начало формированию обновленной национальной идентичности. Вместо этого российская официальная риторика с самого начала стремилась замаскировать разломы в отечественной истории XX–XXI вв., утверждая «преемственность» между ее периодами. Это было бы оправдано, если бы к 1991 г. мы подошли в качестве уже сложившейся нации, от монолита идентичности которой катастрофы могут в худшем случае отколоть какие-то куски. Но к тому времени у нас был распадающийся «советский народ». По его ухудшенному образцу до сих пор пытаются сделать «многонациональный российский народ», представляя дело так, что принципиальной разницы между ними нет.

Действительно, Россия – страна почти с тем же гимном и почти с теми же «традиционными ценностями», а все жертвы, которые требуется принести на алтарь российской идентичности, были уже принесены нашими предками в их борьбе с нацизмом. Сегодня жертвы приносятся, скорее, ради того, чтобы законсервировать прежнее состояние. Возможно, для коррекции существующей идентичности, для достижения большей ее цельности, нам, как заявлял Ренан, следовало бы что-то «забыть» – что-то такое, что мы согласились бы считать для своей национальной идентичности вредным. В конце концов «политика забвения является частным случаем государственной исторической политики, призванной сформировать у граждан “правильную” историческую память как основу их обновленной коллективной идентичности» (Русакова 2022: 81). Ближайшим кандидатом на применение «политики забвения» могли бы стать известные травмирующие события советского периода, в первую очередь революции, гражданской войны, Большого террора и т.д. Отчасти это и пытались сделать в 1990-е и 2000-е гг. по отношению к празднику Великой Октябрьской социалистической революции, советской символике знамени Победы и т.д.

Однако эти попытки не достигли успеха. Мы не хотим ни от чего отказываться и ничего забывать, возможно, потому что «национал-большевистскому» эквиваленту нашего «национального нарратива» альтернативы до сих пор не сложилось (Гутнер 2017: 107), да и тревожить его опасно для общественного спокойствия. Словом, российская официальная

политика памяти не вытекает из действительного признания случившейся в 1991 г. катастрофы и вытекающего из нее разрыва с прошлым. Можно сказать, *она основана на принципиальном игнорировании этой катастрофы именно как поражения, результатом осмысления которого мог бы стать существенно иной образ российской идентичности*. И теперь, когда мы в очередной раз переживаем катастрофу, причем глобального масштаба, ее потенциал не используется для формирования российской национальной идентичности, *соответствующей современным реалиям*.

В российской политике памяти до событий 2022 г. доминировало чувство безопасности граждан ядерной державы, которая «не может проиграть». Тут не было ни значимого места для понимания необходимости и неизбежности жертв, ни в конечном счете проработки смысла жертв для сегодняшнего, а не вчерашнего и позавчерашнего дня. Российская Федерация совсем не планировала вести войн за свое существование, которые бы поставили ребром вопрос о смысле жертв для большинства ее граждан. Наша страна в своих основаниях является государством, в котором высшей ценностью объявляется жизнь и благосостояние граждан. Но еще со времен Т. Гоббса вопрос о правомерности требований государством жертв от своих подданных на войне не имеет вразумительного рационального обоснования: нельзя требовать жертвовать жизнью и благосостоянием для их же защиты. Однако в дискурсе исторической памяти как череды побед все необходимые жертвы уже принесены предками. Более того, просматривается уверенность, что и все предстоящие жертвы будут как бы автоматически работать на уже существующую российскую идентичность, пусть даже идентичность «многонационального российского народа» и выглядит весьма нечеткой.

Присутствует некая самоуспокоенность, как бы гарантированная принесенными жертвами во время Великой Отечественной войны. Это ложное чувство вытекает, по-видимому, из возвышающего в собственных глазах отождествления себя с предками, миссии их поколения (борьба с фашизмом и нацизмом) с миссией нашего (борьба с украинским фашизмом) и, наконец, из отождествления их вчерашнего морального превосходства с нашей сегодняшней моральной позицией. Как замечал Б. Гизен, «перенятие архаического наследия жертв может привести к навязчивому воображению травмы предков, которое преобразуется в чувство первозданной чистоты и даже морального превосходства со стороны потомков» (Giesen 2004: 57). Рассуждения о моральном превосходстве русских перед давно прогнившим Западом имеют давнюю традицию. Отсюда ведут свое начало феномены массовой культуры и официальной пропаганды наподобие «можем повторить», попытки представить цели проводимой специальной военной операции (СВО) практически идентичными целям легендарной войны с нацизмом. Правда, современный дискурс победы уже не провозглашает допустимость любых жертв («за ценой не постоим»). Напротив, он не слишком стремится акцентировать внимание на жертвах, по крайней мере военных. Другим проявлением этого дискурса самоуспокоенности является многократно повторяемый тезис, что Россия

еще не начинала воевать всерьез⁹, что ядерная держава не может проиграть. Но такой дискурс оправдан лишь в случае, когда история нации как история непрерывных побед не сталкивается с опытом катастрофических неудач и поражений, который она еще должна уметь переработать на пользу укрепления своей идентичности.

Как бы то ни было, описанная выше квазисоветская идентичность с характерной для нее политикой памяти не вполне отвечает потребностям сегодняшнего дня. Об этом в первую очередь свидетельствует осознаваемая и российским государством весьма ограниченная степень готовности общества к действительно массовой мобилизации и серьезным лишениям ради победы. Другими словами, нашему обществу не хватает национализма или чего-то аналогичного ему по мобилизационному потенциалу. То, что так и не смогли выработать в течение 30 лет, прошедших со времени распада СССР, потребовалось сегодня. И, казалось бы, СВО в совокупности с радикальным сдвигом во внешней политике, как повторная катастрофа, сопровождаемая неизбежными потерями и жертвами, должна способствовать формированию национализма или его функционального аналога.

Однако если государство не предпринимает последовательных усилий по приданию в рамках национального дискурса потерям смысла священных жертв, не предлагает разделяемого большинством населения «мобилизационного мифа», то эти жертвы объективно приносятся ради не слишком понятных большинству целей вроде построения нового мира американо-китайской биполярности¹⁰ и «работают» на укрепление каких-то других идентичностей. В качестве последних может оказаться недееспособная смесь общинного «постнационализма», транснационального фундаментализма (Ram 2008) и постнационализма во вполне европейском духе, освобожденного от всяких намеков на милитаризованную этничность в пользу либерально-демократических ценностей (Хабермас 2003). В конце концов именно в эту сторону ведет отторжение официальной России от стратегии конструирования национализма в пользу поздней, ослабленной и беззубой версии советского интернационализма.

Заключение

Ключевым фактором ситуации повторной катастрофы для России является то, что люди продолжают умирать. Но за что? В век становления европейского национализма люди жертвовали собой скорее за «общечеловеческие ценности», нежели за нацию в более позднем смысле этого слова. «Нация в ее современном понимании не была мотивом для борьбы

⁹ Путин ответил желающим победить Россию в бою фразой «пусть попробуют» // РБК. 07.07.2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/07/2022/62c70e879a79476e0f5eff67?ysclid=lrxf114qzo115268277&from=soru> (дата обращения: 27.02.2024).

¹⁰ Борис Межуев: «Мы кровью, ресурсами и надрывом заплатили за легитимацию миросистемного подъема Китая» // Бизнес Online. 21.05.2023. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/594349> (дата обращения: 09.01.2024).

и самопожертвования» (Hippler 2014: 28). И сейчас фактически возможно самопожертвование не обязательно за «нацию», но за некую вдохновляемую идеей общность, ради которой люди считают приемлемым жертвовать собой. Иными словами, речь идет о жертвах, обладающих ясным смыслом и вследствие этого претендующих на статус героических и священных, а не просто о потерях. Суть жертвенного акта, как пронизательно замечает Т. Иглтон, касается перехода ничем не примечательного, ставшего жертвой существа от слабости к силе (Eagleton 2018). Но если смысл жертвоприношений утрачен или затуманен, то нет и никакого перехода к силе; есть только потери.

России история дает шанс переосмысления своей идентичности – в виде повторной катастрофы и сопровождающих ее неизбежных жертв. Но в официальном патриотическом дискурсе эти жертвы являются, скорее, тенью жертв, принесенных советским народом в Великой Отечественной войне, а нынешнее военно-политическое противостояние с Западом – не более чем продолжением борьбы советского народа с германским нацизмом¹¹. Там же, где *сегодняшние* потери не выглядят как осмысленные священные и героические жертвы, возрастает роль претерпевающей жертвенности: притесняемая Россия вынуждена отбиваться от половины мира, воюя за не слишком понятные для большинства ее граждан цели. И, возможно, в этом отношении наша страна ближе к Европе, чем может показаться. У нас также формируется нечто похожее на идентичность жертвы, которая основана, скорее, на не имеющей к ней непосредственного отношения истории страданий и подвигов предков. Эти страдания и подвиги имели ясный смысл, который мы хотим присвоить без должных оснований.

Приносимые сегодня Россией жертвы можно оправдывать, исходя из различного рода экономических и геополитических соображений. Наиболее популярным объяснением является то, что мы прокладываем путь к новому облику мира. И вполне вероятно, что наша страна, как это уже бывало не раз в ее истории, выполнит миссию глобальной важности. Но эта миссия не будет выполнена до конца, если Россия не подаст примера морально-политического обновления, заключающегося в том, чтобы не рассматривать ни себя, ни оппонента через призму ложно понятой греховности или праведности. Как и некоторым странам Запада, нам еще предстоит преодолеть искушение основать свою нынешнюю идентичность на сомнительном отождествлении себя с героями и жертвами прошлого. Новая идентичность, скорее, должна вытекать из нашего реального места в современном мире. Иначе говоря, следует признать, что жители современной России имеют такое же отношение к праведному подвигу своих прадедов, как жители Германии к чудовищным преступлениям своих предков, а нынешние белые американцы к истреблению индейцев. Из раскаяния в грехах предков отнюдь не вытекает праведность их потомков. В неменьшей степени это

¹¹ Путин отметил, что российские бойцы в ходе СВО сражаются с прямыми последователями нацизма // ТАСС. 17.05.2023. URL: <https://tass.ru/politika/17765775> (дата обращения: 27.02.2024).

справедливо и для тех, чьи предки совершили великий подвиг избавления мира от нацизма. Грехи, святость и праведность – все это является принадлежностью только тех поколений, следствием чьих действий они непосредственно являются. Все остальное следует рассматривать как результат неспособности или нежелания предложить идущим на смерть ясное понимание их *собственной* исторической миссии. А она, быть может, несколько не менее значима, чем миссия предков. Повторяющиеся катастрофы, как ни горько подобное признавать, дают шанс осознать это, и им надо воспользоваться. Сможем ли мы это сделать?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ассман А. 2016. Новое недовольство мемориальной культурой. Москва : Новое литературное обозрение. 232 с.

Гутнер Г.Б. 2017. Национальный нарратив и национальная ответственность // Этическая мысль Т. 17, № 1. С. 94-109. DOI 10.21146/2074-4870-2017-17-1-94-109

Русакова О.Ф. (ред.) 2022. Официальный дискурс российской политики памяти о советском прошлом: стратегии интерпретаций, акторы, коммеморативные практики. Екатеринбург : Дискурс-Пи. 378 с.

Старгардт Н. 2021. Мобилизованная нация: Германия 1939–1945. Москва : Колибри. 688 с.

Сыров В.Н., Головашина О.В., Аникин Д.А., Овчинников А.В., Линченко А.А. 2019. Концептуальные основания политики памяти и перспективы постнациональной идентичности. Томск : Томский государственный университет. 224 с.

Хабермас Ю. 2003. Постнациональная констелляция и будущее демократии // Логос. № 4–5. С. 105-152.

Шубарт В. 2000. Европа и душа Востока. Москва : Русская идея. 446 с.

Ян Э. 2014. Спорные политические вопросы с точки зрения современной истории. Москва : Политическая энциклопедия. 358 с.

Eagleton T. 2018. Radical Sacrifice. New Haven ; London : Yale University Press. 216 p.

Gergen K.J. 1999. Social Construction and the Transformation of Identity Politics // End of Knowing: A New Developmental Way of Learning / ed. by F. Newman, L. Holzman. New York : Routledge. URL: https://www.swarthmore.edu/sites/default/files/assets/documents/kenneth-gergen/Social%20Construction_and_the_Transformation.pdf (дата обращения 09.01.2024).

Giesen B. 2004. Triumph and Trauma. New York : Routledge. 207 p.

Hippler T. 2014. Heroism and the Nation during the French Revolutionary and Napoleonic Wars and the Age of Military Reform in Europe // Heroism and the Changing Character of War: Toward Post-Heroic Warfare? / ed. by S. Scheipers. London : Palgrave Macmillan. P. 21-32.

Jacoby T.A. 2015. A Theory of Victimhood: Politics, Conflict and the Construction of Victim-based Identity // Millennium: Journal of International Studies. Vol. 43, iss. 2. P. 511-530. DOI 10.1177/0305829814550258

Orr J. 2001. The Victim as Hero: Ideologies of Peace and National Identity in Postwar Japan. Honolulu : University of Hawai'i Press. 281 p.

Ram U. 2008. Why Secularism Fails? Secular Nationalism and Religious Revivalism in Israel // International Journal of Politics, Culture, and Society. Vol. 21. P. 57-73. DOI 10.1007/s10767-008-9039-3

References

- Assmann A. *New Discontent with Memorial Culture*, Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2016, 232 p. (In Russ.).
- Eagleton T. *Radical Sacrifice*, New Haven & London, Yale University Press, 2018, 216 p.
- Gergen K.J. Social Construction and the Transformation of Identity Politics, Newman F., Holzman L. (eds.) *End of Knowing: A New Developmental Way of Learning*, New York, Routledge, 1999, available at: https://www.swarthmore.edu/sites/default/files/assets/documents/kenneth-gergen/Social%20Construction_and_the_Transformation.pdf (accessed January 9, 2024).
- Giesen B. *Triumph and Trauma*, New York, Routledge, 2004, 207 p.
- Gutner G.B. National Narrative and National Responsibility, *Eticheskaya mysl'* [Ethical Thought], 2017, vol. 17, no. 1, pp. 94-109. (In Russ.). DOI 10.21146/2074-4870-2017-17-1-94-109
- Habermas J. The Postnational Constellation and the Future of Democracy, *Logos*, 2003, no. 4–5, pp. 105-152. (In Russ.).
- Hippler T. Heroism and the Nation during the French Revolutionary and Napoleonic Wars and the Age of Military Reform in Europe, Scheipers S. (ed.) *Heroism and the Changing Character of War: Toward Post-Heroic Warfare?* London, Palgrave Macmillan, 2014, pp. 21-32.
- Jacoby T.A. A Theory of Victimhood: Politics, Conflict and the Construction of Victim-based Identity, *Millennium: Journal of International Studies*, 2015, vol. 43, no. 2, pp. 511-530. DOI 10.1177/0305829814550258
- Jahn E. *Controversial Political Issues from the Perspective of Contemporary History*, Moscow, Politicheskaya enciklopediya, 2014, 358 p. (In Russ.).
- Orr J. *The Victim as Hero: Ideologies of Peace and National Identity in Postwar Japan*, Honolulu, University of Hawai'i Press, 2001, 281 p.
- Ram U. Why Secularism Fails? Secular Nationalism and Religious Revivalism in Israel, *International Journal of Politics, Culture, and Society*, 2008, vol. 21, pp. 57-73. DOI 10.1007/s10767-008-9039-3
- Rusakova O.F. (ed.) *The Official Discourse of the Russian Politics of Memory on the Soviet Past: Interpretation Strategies, Actors, Commemorative Practices*, Yekaterinburg, Diskurs-Pi, 2022, 378 p. (In Russ.).
- Schubart V. *Europe and the Soul of the East*, Moscow, Russkaya ideya, 2000, 446 p. (In Russ.).
- Stargardt N. *A Nation Under Arms: Germany from 1939 to 1945*, Moscow, KoLibri, 2021, 688 p. (In Russ.).
- Syrov V.N., Golovashina O.V., Anikin D.A., Ovchinnikov A.V., Linchenko A.A. *Conceptual Foundations of Politics of Memory and Prospects for Post-national Identity*, Tomsk, Tomskij gosudarstvennyj universitet, 2019, 224 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Леонид Гершевич Фишман

доктор политических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: 0000-0001-5062-8291;
ResearcherID: K-2346-2018;
Scopus AuthorID: 36191617100;
SPIN-код: 8725-9656;
E-mail: lfishman@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Leonid G. Fishman

Doctor of Political Science, Professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia;
ORCID: 0000-0001-5062-8291;
ResearcherID: K-2346-2018;
Scopus AuthorID: 36191617100;
SPIN-code: 8725-9656;
E-mail: lfishman@yandex.ru